

Российское поколение миллениалов

РАДАЕВ В. (2019). МИЛЛЕНИАЛЫ: КАК МЕНЯЕТСЯ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО. М.: НИУ ВШЭ. 224 С. ISBN 978-5-7598-2009-3

Александр Субботин

Аспирант кафедры демографии, Высшая школа современных социальных наук,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Студент Европейской докторской школы по демографии,

Институт демографических исследований Макса Планка (Росток, Германия)

Центр демографических исследований, Автономный университет Барселоны

(Барселона, Испания)

Адрес: ул. Ленинские горы, д. 1, г. Москва, Российская Федерация 119991

E-mail: aasubbotin@yahoo.com

Книга Вадима Радаева «Миллениалы: как меняется российское общество», вышедшая в Издательском доме Высшей школы экономики, пытается дать ответ на вопрос о причинах резкого отличия так называемых миллениалов, хронологически маркируемых в работе временем рождения с конца 1980-х по конец 1990-х (с. 10), от предшествующих им поколений. Автор, известный российский специалист в области экономической социологии, профессор и первый проректор НИУ ВШЭ, опирается не только на теоретические достижения генерационной социологии, но также на собственные исследования, данные социально-экономических мониторингов НИУ ВШЭ и личный преподавательский опыт. Впрочем, педагогике посвящены по преимуществу заключительные страницы издания, а основная его часть описывает перемены в российском обществе.

Свое исследование ученый начинает с признания, что «операциональное выражение категории «поколение» и в самом деле весьма проблемно» (с. 10). Она относится к категориям вроде «класса» или «этничности», то есть к теоретическим конструкциям, не имеющим четко определенного значения (в лучшем случае исследователь определяет его ситуативно, в рамках конкретной работы), но широко используемым социальными науками. Однако, как подчеркивает автор, его «интересуют не поколения как таковые» в смысле составления их портрета или перечисления характеристик, но поколение как социологический инструмент, позволяющий идентифицировать условия становления (взросления) той или иной возрастной группы, задающей новые долгосрочные тренды и определяющей характер «социальных изменений в целом» (с. 10).

Для начала ученый опровергает политизированный подход к проблеме поколений. В теоретическом разделе автор подвергает критике доминирующее в отечественном генерационном анализе представление о поколениях, связанное с так на-

зывающей «школой Левады» и продвигаемой ей концепцией «советского простого человека», который продолжает «воспроизводиться», несмотря на то что условия и структурные предпосылки его существования давно исчезли (с. 15–16). Именно устойчивостью и «непотопляемостью» этого социально-антропологического типа «школа Левады» объясняет все срывы и провалы модернизации политических институтов в России. Подобный подход, по мнению автора, склонен к чрезмерной политизации проблемы, поскольку выводит на первое место в границах поколения исключительно политические ценности и предпочтения (с. 17). По мнению «школы Левады», новый, «несоветский» человек должен был стать абсолютным антиподом своего предшественника. Если последний был «лукавым, адаптивным конформистом», то поколение, не заставшее СССР, должно было в подобной бинарной логике стать «совершенными гражданами», которым есть дело до самых незначительных политических вопросов и проблем. Когда подобный «взгляд сверху» (с. 18) сталкивается с несоответствием реальности своим ожиданиям (а данные опросов это подтверждают, показывая довольно высокий уровень политической индифферентности и конформизма в первом полностью постсоветском поколении), возникающая фрустрация оборачивается наивными морализаторскими инвектиками в адрес молодежи, погрязшей в консюмеризме и не оправдавшей ожиданий позднесоветской либеральной интеллигенции (с. 23–25).

Автор отвергает подобный подход, отстаивая при этом гипотезу о наличии «поколенческого слома» между последними советскими поколениями и миллениалами. Впрочем, чтобы зафиксировать этот существенный трансгенерационный сдвиг, анализа одних только политических предпочтений совершенно недостаточно. Необходимо принять во внимание еще целую совокупность параметров. Например, многие миллениалы, полностью игнорируя политику, посвящают очень много своего времени благотворительности, волонтерству, экологии, защите животных и другим социальным проблемам (с. 27). Читателю предлагается новая исследовательская методология, которая состоит из двух частей, включающих, соответственно, авторскую классификацию поколений и описание того, откуда брались и как анализировались данные. Самую обширную часть книги составляет эмпирический раздел с результатами статистических расчетов, сопоставляющий миллениалов с предшествующими поколениями по ряду значимых социальных параметров и описывающий новые тренды, формирующиеся среди молодого поколения (с. 11). Разумеется, для контраста и полноты картины Вадим Радаев исследует не только поколение Y, но и все поколения «рожденных в СССР». Перед этим ученый приводит другие существующие в науке деления поколений с опорой на обязательный для данной проблематики классический текст Карла Мангейма «Проблема поколений». С определенными упрощениями его теоретическая схема выглядит так: любая возрастная группа в один и тот же период истории переживает одни и те же значимые события, формирующие важную часть условий взросления, а они, в свою очередь, определяют специфические практики поведения, отличающие конкретное поколение от предшествующего и последующего (с. 34–35).

Попутно автор указывает, что подобный взгляд на формирование поколений близок по своей сути понятию «габитуса» у Пьера Бурдье (с. 34). При этом возникает вопрос о том, какие события следует считать значимыми (с. 35), поскольку они должны восприниматься в этом качестве критической массой представителей данного поколения. Например, для советских людей первый полет человека в космос имеет историческое значение, а вот акции диссидентов — нет. Отсюда автор делает вывод об относительно четких вехах российской истории последнего столетия: «Великая Отечественная война — период оттепели — период застоя — перестройка и либеральные реформы — период стабилизации» (с. 39).

Дальнейшее развитие этой проблематики породило теорию поколенческих коорт (generational cohort theory) Нормана Райдера (с. 36). Затем Рональд Инглхарт разделил послевоенные поколения на материалистически и постматериалистически ориентированные (с. 36), а уже на рубеже 1990-х годов в качестве базового инструмента появляются более дробные деления поколений протяженностью по 15–20 лет, куда в том числе входит и поколение миллениалов (с. 37). Именно классификация, введенная Нейлом Хоувом и Вильямом Штраусом (в некоторых переводах — Нилом Хау и Уильямом Страусом), является наиболее известной поколенческой классификацией, в том числе за пределами академического сообщества¹ (с. 44). Применительно к отечественным реалиям ученый модифицирует ее так, что первые три относятся к советским поколениям, а вторые три — к постсоветским, поскольку период взросления самых старших из них начинается во времена перестройки (с. 49):

Таблица 1. Классификация российских поколений (с. 49)

Поколения	Период рождения	Период взросления
<i>Мобилизационное поколение</i>	1938 г. и ранее	1941–1955 гг.
<i>Поколение оттепели</i>	1939–1946 гг.	1956–1963 гг.
<i>Поколение застоя</i>	1947–1967 гг.	1964–1984 гг.
<i>Реформенное поколение</i>	1968–1981 гг.	1985–1999 гг.
<i>Поколение миллениалов</i>	1982–2000 гг.	2000–2016 гг.
<i>Поколение Z</i>	2001 г. и позднее	2017 г. и позднее

Книга Радаева, разумеется, — не первое издание, посвященное теории поколений: например, выше уже упоминались исследования Штрауса и Хоува. Их первая книга рассказывает о смене англо-американских поколенческих биографий,

1. — величайшее поколение, поколение победителей (1900–1923 г.р.);
— молчаливое поколение (1923–1943 г.р.);
— поколение беби-бумеров, или бумеров (1943–1963 г.р.);
— поколение X, или неизвестное поколение (1963–1983 г.р.);
— поколение Y, или поколение Сети, миллениалы (1983–2003 г.р.);
— поколение Z (2003–2023 г.р.)

начиная с 1584 года и заканчивая современностью: на ее страницах происходит связанное со сменой интенсивности общественной активности чередование типажей: «пророков», «странников», «героев» и «художников»². Уже из этого очевидно отличие «Миллениалов» — речь не идет о циклизации. Однако уже следующая работа Штрауса и Хоува посвящена одному отдельному поколению³. Это же часто будет характеристикой и последующих исследований — в том числе и рецензируемой книги, хотя миллениалы в ней все же помещены в сравнительный контекст вместе с предыдущими поколениями. Более того, сама книга была написана для того, чтобы понять, как их настоящее способно повлиять на будущее общества.

Эта же особенность отличает книгу Радаева от недавно переведенных на русский язык монографий Алексея Юрчака⁴ и Дональда Рейли⁵. Методологически она построена на сравнительном анализе. Также автор декларирует отход от избыточного акцента на политике — книга по преимуществу исследует частную жизнь, что и отмечается им в критике предшествующих подходов. Кроме того, книги американских исследователей ориентированы на символические процессы, посредством которых формируется представление субъекта о самом себе — основой концепции Юрчака является понятие перформативного сдвига в языке официальной идеологии позднего СССР, а Рейли опирается на прямую речь, сделав фактически подборку интервью. Радаев же пользуется инструментами статистики и социологических опросов, которые «отстранены» от субъекта и с точки зрения «строгой науки» более «объективны». Вообще при чтении книги возникает впечатление, что автор пытается заглянуть в будущее через телескоп настоящего, чтобы понять, как вступить в близкий контакт с цивилизацией, которая кажется иной поколениям, рассмотренным в монографиях Юрчака и Рейли.

Кроме книг переводных, стоит обратить внимание и на отечественные издания, затрагивающие проблематику поколенческого анализа. Например, Владимир Лисовский предложил свою классификацию поколений, но не по датам появления на свет, а по критериям выделения: «демографическое», «антропологическое», «историческое», «хронологическое» и «символическое»⁶. Исходя из этой классификации, можно предположить, что представители одного и того же года рождения могут быть отнесены к разным поколениям, а также очевидно, что она имеет прежде всего теоретическое значение. Автор же «Миллениалов», если принимать

2. Strauss W., Howe N. (1991). *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow.

3. Strauss W., Howe N. (1993). *13th Gen: Abort, Retry, Ignore, Fail*. New York: Vintage Books.

4. Юрчак А. (2014). Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение.

5. Рейли Д. (2015). Советские беби-бумеры: послевоенное поколение рассказывает о себе и своей стране. М.: Новое литературное обозрение.

6. Лисовский В. (2000). Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб.: СПбГУП. Классификация предполагает обращение не к однаковому критерию для разных поколений, где он в таком случае является определяющей переменной, а к различным типам обобщенных характеристик. Благодаря этому границы, например, хронологических и символических поколений могут не совпадать.

во внимание третью часть его работы, стремится к практическому применению полученного знания. Анализируя методы хронологической идентификации поколений, автор разбирает поколенческую классификацию Ю. Левады (с. 45), которую выбрал, как сам замечает, в качестве примера. При этом последний еще не выделяет миллениалов, сам термин, согласно Радаеву, появляется позже — в статье Виктории Семеновой. Однако классификации Семеновой недостает «четкого разделения возрастных групп, и недостаточно специфицированы исторические периоды, к которым привязаны годы рождения и годы формирования выделенных поколений» (с. 45–46). Таким образом, рецензируемое издание в целом отличается от предшествующих работ о поколениях, как от самых первых, так и от недавних, как от зарубежных, так и от отечественных.

Ознакомив читателя с базовыми положениями своего исследования, Радаев предполагает, что в деле отслеживания социальных изменений, непродуктивно исследовать представителей отдельных поколений, а нужно использовать так называемые формативные для каждого поколения годы, которые, как правило, определяются возрастным интервалом от 17 до 25 лет (с. 37–38). При этом автор не утверждает, что поколенческие различия могут заменить другие категории социальной дифференциации — например, этнические группы, хотя кроме поколения им использовались другие переменные — например, пол или место проживания (город либо село) опрашиваемых. Это было необходимо для обнаружения в рамках одной когорты различий, связанных с данными типами принадлежностей. Соседние поколения сравнивались с предшествующими по их формативным годам, иначе говоря, по времени вступления каждого из них в сознательную взрослую жизнь. Автор называет подобный подход исследованием медианного возраста (с. 59–60).

Концентрируясь на неполитических сферах деятельности и общественного восприятия, Радаев выдвигает гипотезы по поводу наиболее заметных перемен в обществе: «*Гипотеза 1. Миллениалы значимо опережают предшествующее реформенное поколение и другие старшие поколения по уровню распространения новых практик поведения. Гипотеза 2. Миллениалы ускоряют ранее возникшие тренды по сравнению с предшествующими поколениями или способствуют перелому этих трендов*» (с. 51).

При проверке гипотез различия, например, начинаются с того, что у представителей этого поколения доля владеющих каким-либо иностранным языком, помимо языков бывших республик СССР, удваивается и достигает 36% (с. 67). Причем среди женщин она выше (39% и 31% соответственно) — возможно, потому, что они чаще выбирают гуманитарные и иные специальности, где требуется знание языка (с. 68).

Радаев рассматривает весьма сложное и комплексное понятие взрослости как состоящее из нескольких аспектов обретаемой самостоятельности. Одним из них является вступление в брак и деторождение. Оказалось, что к 27 годам 41% миллениалов, причем почти половину из них составляют мужчины, ни разу не

образовывали семью, в то время как в реформенном поколении в аналогичном медианном возрасте безбрачных было лишь 24%. Не имели детей еще больше опрошенных — 54%, а среди их предшественников в том же возрасте — лишь 31%. Это неудивительно, потому что во всем мире, невзирая на либерализацию сексуальных норм, начало половой жизни откладывается, а также снижается и средняя ее активность (с. 70) — вероятно, молодежь, как будет показано ниже, виртуальное интересует больше, чем реальное.

Отделение от родителей, то есть переезд в собственное жилье (купленное или арендованное), также происходит позже. Здесь стоит сделать замечание, что при анализе результатов не были приняты во внимание некоторые из важных причин миграции за пределы места рождения, а также изменения места жительства в пределах одного населенного пункта. Первая — это поступление на учебу или работу в другой город, что коррелирует с данными Радаева о более позднем выходе на рынок труда (с. 72). Вторая — переезд по причине вступления в брак, более характерный для женщин: здесь более позднее отделение от родителей или отсутствие такового очевидно связаны с отложенным началом брачных отношений либо безбрачием (сюда стоит добавить, что часто брачного партнера находят во время учебы). Кроме того, взросление для человека, материально ограниченного, означает не столько отдельное проживание, сколько самообеспечение, а платить процент от счета за коммунальные услуги явно дешевле, чем снимать даже необустроенную комнату на окраине мегаполиса либо однокомнатную квартиру в пригороде. Данные опроса Центра Юрия Левады говорят о том, что даже при возможности приобрести квартиру однозначно не съехали бы все равно 17% россиян, а доля тех, кто уехал бы при первой же возможности, за последние 15 лет снизилась с 68 до 47% (с. 72). Молодежь слишком долго нуждается не столько в финансовой, сколько в эмоциональной поддержке старшего поколения. Автор, однако, не принимает адресуемых в связи с этим молодому поколению упреков в инфантилизме: «...просто времена изменились. Возможно, должен измениться подход и к самому понятию взрослости и взросления» (с. 74).

Что касается работы, то здесь гораздо тревожнее не более поздний выход на рынок труда (поскольку так в том числе сохраняются рабочие места для старших поколений), а более частые смены места работы и/или профессии: за год так поступает более чем 21%, причем в каждом предшествующем работающем поколении эта доля меньше в 1,5 раза (с. 73). Автор называет миллениалов «самым „нетерпеливым“ поколением, которое ищет возможности для более быстрого успеха (и материального, и профессионального) и интенсивно пробует разные возможности для его достижения» (с. 73).

Возможно, такое качество молодежи, уже практически не подверженной акселерации (с. 74–75), связано с развивающимися процессами цифровизации и коррелирующей с ними клиповой культурой, чьи идейные установки фрагментации и быстрой смены образов распространяются на все сферы общества. Рубеж компьютеризации проходит не между миллениалами и реформенным поколением,

а между реформенным поколением и поколением застоя (с. 77). При этом по обеспеченности банковскими пластиковыми картами миллениалы не превосходят старшие поколения, причиной чему молодость (с. 85), а также отсутствие у многих официальной или/и постоянной работы (получение стипендии на карту, возможно, не учитывалось), хотя и здесь они «растут» быстрее других. Различные формы отдыха и досуга тем не менее у миллениалов и старших поколений отличаются: они меньше смотрят телевизор, однако две трети из них ежедневно, вне зависимости от пола, играют на компьютере и проводят время в сети Интернет (с. 87). Это не мешает им встречаться с друзьями и родственниками — более половины (57%) делают это не реже раза в неделю, даже чуть чаще, чем остальные четыре поколения (с. 88). Что касается спорта и ЗОЖ, то тенденции у миллениалов здесь скорее положительные — пьющих и курящих среди них в процентном соотношении меньше, чем в предыдущих поколениях, хотя мужчин среди предающихся порокам все же больше, чем женщин, — однако, к примеру, доля потребителей табака среди последних снижается быстрее (с. 92–101). Автор не склонен считать причинами этого «переключение» на наркотики (с. 105–106), потребление которых, по крайней мере, согласно численности лиц, проходящих лечение от данной зависимости, напротив, снижается, или такое модное веяние, как вейпы [электронные системы доставки никотина]. Скорее дело в том, что «повысился уровень морализации на тему здоровья и здорового образа жизни в публичном дискурсе — это явление получило название „хелсизм“⁷» (с. 99). При этом спортом традиционно больше на 7–10% занимаются мужчины, а диетам, которые не столь популярны, отдают предпочтение женщины (с. 103–104).

Что касается некоторых исследуемых моральных качеств, тенденции свидетельствуют о росте независимости (идущем вразрез с инфантильной привязанностью к родителям). В вопросе отношения к религии снижается процент не только верующих (с. 106–108), что можно было бы объяснить новым витком популяризации научного мышления (после СССР), но и имеющих так называемое *обобщенное доверие* — то есть веру в других людей, и в отсутствие у них «задних намерений» (с. 109). При этом растет процент субъективно благополучных (который в любом поколении уменьшается с возрастом) и надеющихся на экономическое процветание в будущем — несколько упавший в период кризиса (с. 110–113).

Радаев сравнивает городских и сельских миллениалов, выдвигая три гипотезы, которые по большей части подтверждаются: «Гипотеза 1. Сельские миллениалы отстают от городских по уровню распространения новых практик поведения. Гипотеза 2. Сельские миллениалы близки представителям старших поколений (городских и сельских вместе) по уровню распространения новых практик поведения. Гипотеза 3. Сельские миллениалы опережают сельские старшие поколения по уровню распространения новых практик поведения» (с. 126).

⁷. *Healthism*, от англ. *health* — здоровье.

Здесь находят подтверждение скорее первая и третья гипотезы, например, в области владения иностранными языками, сельские миллениалы все еще отстают от городских, но уходят в отрыв от предшествующих поколений (с. 129). Что интересно, сельские миллениалы опережают городских по двум показателям взросления — они позже вступают в брак (что можно объяснить оттоком активной молодежи из сел) и позже выходят на рынок труда, что может быть связано с более низкими возможностями трудоустройства (с. 130–131). Автор, правда, не учитывает, что последнее можно объяснить в том числе их возможной занятостью в домохозяйствах родителей. При этом по деторождению сельская молодежь имеет более высокие показатели, чем городская. По представленным данным неясно, идет ли речь о многодетности созданных семей или о большей доле рожденных вне брака. Интересным представляется и то, что, вопреки расхожим представлениям, на селе меньше пьют (с. 140–141) — можно предположить потому, что в городе купить спиртное проще — в круглосуточно работающих барах (в магазинах продавать спиртное ночью запрещено).

Третья часть книги состоит из очерков о проблемах преподавания, о необходимости изменения педагогических практик, а также о существующих между «отцами и детьми» некоторых моментах непонимания. Для начала Радаев опровергает обвинение в том, что молодежь якобы ленива и чрезмерно ориентирована на личное благополучие. Причину отчуждения молодежи от серьезных семейно-трудовых отношений он видит в навязанной нарциссическим воспитанием ориентации на недостижимые стандарты собственного совершенства и пристекающим из нее *социальном перфекционизме* (с. 159). Кроме того, нынешняя молодежь, существует в условиях переизбытка выбора (с. 161), позволяющего не углубляться в конкретные сферы знания или же посвящать себя какому-то определенному набору занятий. При этом усиливается ориентация на «новые» индивидуальные проекты, не требующие крепких, фундаментальных знаний — например, блогерство (с. 165–167). Отсюда исследователь переходит к одной из важнейших проблем книги: как научить молодежь, новых студентов учиться? Да, наступил конец трудоголизма (Радаев это не осуждает), на смену ему приходит забота о собственном стиле жизни (с. 167), включающем не только ЗОЖ (в том числе в негативных формах коммерциализации и паники (с. 170)), но и отчасти противоречащие ему гаджеты, делающие коммуникацию поверхностной (с. 174–176). «Свобода от других» к тому же оборачивается столкновением с «проклятыми» или экзистенциальными вопросами и ростом протестного потенциала. Куда же девать эту неуправляемую энергию? Использовать для получения образования? А как?

Отказ от чтения сложных текстов, привычка не учить и даже не понимать, а искать в интернете, гаджеты на лекциях — как с этим бороться? Студенты почти не задают вопросов, удерживать их внимание становится все труднее, зато они активно борются за свои права — например, за оценки. Однако при растущем pragmatizme у них сохраняется интерес к общему (неприкладному) гуманитарному знанию как к средству индивидуализации (с. 191–192). Поэтому, по мнению

Вадима Радаева, решение есть: нужно начать с того, что университет обязан подтолкнуть к модному нынче саморазвитию: мода на него есть, но нет умения им заниматься. Нужно также нарабатывать критическое мышление и умение слушать других, учить академическим навыкам не как «специфическим» навыкам (*specific skills*) профессионального исследователя, а как дженералистским навыкам (*general skills*), востребованным в различных видах профессиональной деятельности (с. 197). Поскольку усваивается только то, что было проработано самостоятельно, необходимы различные формы коллективной работы, не переходящие в развлече-ние — если уж и переводить какие-то занятия в онлайн, то используя обязательную отчетность (с. 207) и демонстрируя при преподавании личные достижения (с. 201). Новое в представленных книгой Радаева дискуссиях о поколении, таким образом, состоит в том, что она исследует не только влияние прошлого на настоящее, но и ориентирована на будущее. Следовательно, главный исследовательский вопрос книги, как и ответ на него, отличаются от уже имеющихся. Это вопрос не о том, «почему так стало?». И ответ заключается совсем не в том, «что официальная риторика утратила связь с реальностью». Это вопрос о том, «что делать с настоящим ради достойного будущего?». Правильный ответ будет состоять в том, что нужно «принять новые особенности молодежи и не пытаться втиснуть ее в прокрустово ложе прежних норм, а работать с имеющимся материалом, учитывая не только его отрицательные, но и положительные стороны». Это книга, посвященная не прустовской рефлексии, но надежде.

Таким образом, «поколение Y», или миллениалы, представляет собой принципиально новую генерацию «молодых взрослых». Она не лишена недостатков, особенно с точки зрения поколения их родителей или работодателей (преподавателей). Однако при этом она обладает способствующими развитию общества достоинствами, одним из которых является опора не на авторитеты, а на самостоятельное суждение. Книга заставляет задуматься над причинами подобных трансформаций, над тем, чтобы изменить понятие взросления, смирившись с фактом меньшей политизированности миллениалов, а также с тем, что данное обстоятельство все же уместнее оценивать положительно. Хотя, по мнению Радаева, социальная наука и отстает от перемен в обществе, сам автор не предполагает серьезного перелома в следующем поколении — центениалах, или поколении Z (с. 211). Отсюда перед читателем, который, скорее всего, к миллениалам и принадлежит, встает следующая задача: изучить не только саму книгу, но также и самого себя, свое окружение и своих ровесников, признать ошибки и проблемы, а также увидеть перспективы и достоинства нового «техногенного человека», пришедшего на смену порожденному трудом «человеку советскому».

Russian Generation of Millennials

Alexander Subbotin

PhD Student, Demography Department, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University

Student, European Doctoral School of Demography, Max Planck Institute for Demographic Research, Rostock, Germany

Centre for Demographic Studies, Autonomous University of Barcelona, Barcelona, Spain

Address: Leninskie Gory str., 1, Moscow, Russian Federation 119991

E-mail: aasubbotin@yahoo.com

Book Review: Vadim Radaev, *Millenialy: kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian Society Changes] (Moscow: HSE, 2019) (in Russian).